

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.17223/18137083/92/10

**«Ты какой-то... интересный поп»:
Еще раз об образе попа в рассказе В. М. Шукшина «Верую!»**

Дмитрий Владимирович Марьин

Алтайский государственный аграрный университет
Барнаул, Россия

dvmaryin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9333-4661>

Аннотация

Представлены результаты анализа образа попа в рассказе В. М. Шукшина «Верую!», и на его основе предложен вариант интерпретации этого, одного из важнейших для творчества писателя, произведения. Автор рассматривает попа как героя, наделенного языческими чертами, чей образ насыщен литературными и культурными аллюзиями. В Максиме (герое-пассионарии) живет извечная крестьянская, ломоносовская тяга к знанию, к действию, в попе (герое-демотиваторе) – языческая, архетипическая, патриархальная сила, также свойственная каждому крестьянину. Вместе они дают мощную энергию, которую, направить в продуктивное, правильное русло не получается. Образы Максима Ярикова и попа можно рассматривать, как олицетворение тех мыслей и внутренних духовных противоречий, которые мучили самого Василия Шукшина на его пути к истинной православной вере, к церкви.

Ключевые слова

русская литература XX в., жизнь и творчество В. М. Шукшина, рассказы, интерпретация, «Верую!»

Для цитирования

Марьин Д. В. «Ты какой-то... интересный поп»: Еще раз об образе попа в рассказе В. М. Шукшина «Верую!» // Сибирский филологический журнал. 2025. № 3. С. 144–156. DOI 10.17223/18137083/92/10

**“You are some kind of... interesting priest”: Revisiting the image
of a priest in the story by Vasily Shukshin “Veruyu!”**

Dmitrij V. Maryin

Altai State Agrarian University
Barnaul, Russian Federation

dvmaryin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9333-4661>

Abstract

This paper analyzes the image of a priest in the story “Veruyu!” (“I Believe!”) authored by famous Russian writer Vasily Shukshin, offering a revised interpretation of this significant

© Марьин Д. В., 2025

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2025. № 3. С. 144–156

Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 3, pp. 144–156

work. The analysis demonstrates the priest as a figure possessing pagan attributes, his image embellished with literary and cultural allusions. Maxim Yarikov, the protagonist, and the priest exemplify the dichotomy of powers existing within each peasant. Maxim, the passionate hero, represents the eternal peasant striving for knowledge and action (reminiscent of Lomonosov's ideals), while the priest, the demotivating hero, embodies pagan, archetypal, and patriarchal forces equally inherent to rural life. Combined, they yield a substantial force that proves unmanageable for positive or appropriate application in the social and cultural milieu of a Soviet village following World War II. The rebel is the true articulation of the untapped fervor of the Russian peasant in Shuksin's artistry. It could be the Stepan Razin revolt (as depicted in "Ya prishel dat' vam volyu" ("I came to give you freedom")) or a suicidal act, a behavioral response protesting aggression or unavoidable adverse actions by society or authority. The characters of Maxim and the priest may also reflect the inner spiritual conflicts that tormented Shukshin himself on his journey toward genuine Orthodox faith and the Church. The images of Maxim Yarikov and the priest can also be considered as the personification of those thoughts and internal spiritual contradictions that tormented Vasily Shukshin himself on his path to the true Orthodox faith, to the church.

Keywords

Russian literature of the 20th century, life and work of Vasily Shukshin, stories, interpretation, "I Believe!"

For citation

Maryin D. V. "You are some kind of... interesting priest": Revisiting the image of a priest in the story by Vasily Shukshin "Veruyu!". *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2025, no. 3, pp. 144–156. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/92/10

Рассказ В. М. Шукшина «Верую!» впервые опубликован в 1971 г. в журнале «Звезда» (№ 9) в составе цикла под общим названием ««Верую!» и другие рассказы» («Верую!», «Лёся», «Дебил», «Билетик на второй сеанс»). Позже он включался писателем в сборники «Характеры» (1973) и «Беседы при ясной луне» (1974), что свидетельствует о его значимости для самого писателя, а затем входил и в посмертные издания. Автору этой статьи не известен ни один посмертный шукшинский сборник, в содержании которого не было бы рассказа «Верую!».

Сюжетная линия «Верую!» включена в спектакль «Беседы при ясной луне» В. Н. Иванова по рассказам Шукшина (впервые поставлен в 1976 г. в Малом театре СССР). Мотивы рассказа использованы в оперетте «Сладка ягода» Е. Н. Птичкина по рассказам Шукшина (впервые поставлена в 1977 г. в Ростовском театре музыкальной комедии, режиссер-постановщик и автор либретто К. Васильев). По этому рассказу и стихам С. Есенина создана опера В. Г. Пигузова «Верую» (впервые поставлена в 1988 г. в Московском камерном музыкальном театре, либретто Ю. Димитрина, постановка Б. Покровского). Как минимум дважды рассказ становился основой для экранизаций. В 1991 г. вышел на экраны х/ф «Крепкий мужик» (реж. Валерий Смирнов), а в 2009 г. – х/ф «Верую!» (реж. Л. Боброва) [Шукшин, 2014, т. 5, с. 391]¹.

Сохранился набросок к рассказу в рабочих тетрадях Шукшина: «Взвыл человек от тоски и безверья. Пошел к бывшему (?) попу, а тот сам не верит. Вместе упились и орали, как быки недорезанные: «Ве-рую»» (цит. по: [Левашова, 2007, с. 47]).

¹ Далее при цитировании этого издания в круглых скобках указаны номера тома и страницы.

В беседе с корреспондентом итальянской газеты «Унита» 17 мая 1974 г. на вопрос «В сборнике “Характеры” есть рассказ “Верую!”. Описанная в нем ситуация подсмотренная или выдуманная?» Шукшин ответил:

В строгом смысле слова это все же выдуманная вещь. Выдуманная постольку поскольку... опять же ситуация несколько крайняя, что ли. Но мне нравятся крайние ситуации. Вот поп, скажем... Для того чтобы извлечь искру, надо ударить два камня друг о друга... Мне нравится вот эта ошибка совсем полярных каких-то вещей. В рассказе “Верую!” мне показалось заманчивым вот столкнуть некие представления о жизни, совсем разные. И извлечь отсюда что? Вот что: мы получаем много информации ныне. Для того чтобы кормить наш разум, мы получаем очень много пищи, но не успеваем или плохо ее перевариваем, и отсюда сумбур у нас полнейший. Между прочим, отсюда – серьезная тоска. Оттого, что мы какие-то вещи не знаем точно, не знаем в полном объеме, а идет такой зуд: мы что-то знаем, что-то слышали, а глубоко и точно не знаем. Отсюда... в простом сельском мужике тоска зародилась. А она весьма оправдана, если вдуматься. Она оправдана в том плане... в каком надо еще больше и глубже знать... (т. 8, с. 190).

Неоднократно произведение попадало и в фокус внимания литературоведов. Но и здесь остается еще немало непоясненного. Возникла патовая ситуация, когда анализ упирается в ряд до конца не интерпретируемых сюжетных эпизодов и образов. Например, при анализе и интерпретации рассказа исследователи вполне естественно затрагивают тему веры в Бога, присутствующую в тексте. «Содержание рассказа остро ставит сложную для Шукшина как художника советской эпохи проблему веры и безверья» [Левашова, 2007, с. 47]. В то же время в сборнике «В. М. Шукшин и православие», который специально посвящен анализу православных аспектов творчества писателя, собственно рассказу «Верую!» уделено мало внимания.

Все литературоведческие интерпретации рассказа так или иначе обращаются к образу попа. Но этот образ до сих пор не имеет однозначного толкования. Весьма показательным, что протоиерей Сергей Фисун в статье, опубликованной в сборнике «Шукшин и православие», в одном месте отзывается об этом образе так: «Шукшин тщательно скрывает авторское отношение к попу» [Фисун, 2012, с. 134], а в другом называет этого персонажа «одержимым неверующим попом» [Там же].

На наш взгляд, причина недостаточности интерпретации рассказа как раз и кроется в образе попа. «Ты какой-то... интересный поп. Разве такие попы бывают?» – неслучайно восклицает Илья Лапшин в рассказе (т. 5, с. 227). Как объяснить его необычное, более того, дискредитирующее православного священнослужителя поведение? Конечно, советский читатель начала 1970-х видел в образе попа сатиру на священнослужителей, что было характерно для литературы социализма и даже в определенной мере укладывалось в антиклерикальную традицию русской литературы. Некоторые литературоведы предполагали, что поп – расстрига, видимо, исходя из возможного толкования шукшинского наброска («Пошел к бывшему (?) попу»). В фильме Л. Бобровой Илья Лапшин прямо называет попа «отлущенным». Однако при таком толковании образа попа, т. е. как служителя, лишенного церковными властями сана, а значит, самой церковью признанного не соответствующим принятым для священнослужителя канонам пове-

дения, или самовольно вышедшего из духовного звания, как нам кажется, не только происходит упрощение интерпретации этого ключевого для рассказа образа (раз поп – расстрига, отлученный, то мотивы его поступков легко объясняются), но и явное искажение замысла самого писателя, ведь в наброске Шукшин поставил знак вопроса после слова «бывшего»², которое определяет статус попа.

В настоящей статье автор обращается к анализу образа священника в рассказе В. М. Шукшина «Верую!» и на этой основе предлагает вариант интерпретации одного из важнейших для творчества писателя произведений.

* * *

На наш взгляд, интерпретация рассказа «Верую!» прежде всего неминуемо касается вопроса веры в Бога самого В. М. Шукшина.

Относительно истинных религиозных воззрений писателя и режиссера нет твердой уверенности даже у самых близких его друзей. В. И. Белов, сам человек глубоко православный, лишь косвенно подтверждает это, достаточно осторожно высказавшись о религиозности В. М. Шукшина: «Двигался ли к Богу сам Шукшин? Мне кажется, да. Некоторые его поступки указывали на это вполне определенно...» [Белов, Заболоцкий, 2002, с. 41]. «В шукшиноведении наблюдается большой спектр оценок и суждений: от признания Шукшина вполне православным писателем до поиска в его произведениях влияния языческих и натурфилософских представлений» [Левашова, 2007, с. 47].

Религиозное чувство принадлежит к сокровенной, интимной сфере духовной деятельности человека. Религиозные убеждения Шукшина далеко не всегда могут находить открытое выражение в произведениях, предназначенных для широкой публики. Однако они могут проявляться в личных документах, дневниках, письмах. Обращение к эпистолярному писателю и кинорежиссеру позволяет нам сделать утверждение о наличии христианских, православных мотивов в его мировоззрении³.

В текстах писем Шукшина отмечено регулярное употребление устойчивых выражений с христианской семантикой: фразеологизмов, часто в функции обращения и пожелания (как правило, просторечных или устаревших), с христианской семантикой, цитат из Священного Писания. Эпистолярные тексты писателя сохранили свидетельства соблюдения им православных традиций и праздников, например Дня ангела (тезоименитства), Пасхи, а также принятия обета. Имеются и факты того, что Шукшин действительно почитал иконы.

Выявленные в эпистолярных В. М. Шукшина элементы православного мировоззрения вполне убедительно доказывают принадлежность писателя к православной традиции. Но был ли он истинным православным христианином? Не будем забывать тот факт, что Шукшин был активным членом ВЛКСМ, а затем и КПСС, т. е. формально был атеистом. Нельзя не учитывать и его некоторые антирелигиозные высказывания в публицистических работах.

Отношение писателя к религии в целом и к православию в частности было, скорее всего, сложным, неоднозначным и менялось с течением времени.

Писатель, получив в наследство от своих предков-крестьян православную традицию как данность, став интеллигентом, в 1960-е гг. пытался рационально по-

² Все же «бывший поп» прямо не означает «отлученный».

³ См. подробнее: [Марьин, 2012].

стичь христианские истины. Отражение этих поисков – шукшинские тезисы в «Монологе на лестнице»:

Хочется еще сказать: всякие пасхи, святки, масленицы – это никакого отношения к богу не имело. Это праздники весны, встречи зимы, прощания с зимой, это – форма выражения радости людской от ближайшего, несколько зависимого родства с Природой (т. 8, с. 27).

Шукшин на этом этапе отделяет православие от патриархальности («Патриархальность как она есть (и пусть нас не пугает это слово): веками нажитые обычаи, обряды, уважение заветов старины» (т. 8, с. 27)), делая последнее понятие основой своего идеала русской культуры и искусства.

Однако в начале 1970-х гг. происходит трансформация в религиозно-нравственной позиции алтайского Шукшина. Возможно, ключевым событием для пересмотра его мировоззренческих установок стала поездка в 1970 г. по историческим городам России (Вологда, Ростов Великий, Суздаль, Владимир, Тутаев, Астрахань и др.) в рамках подготовительных работ по фильму о Степане Разине. Отстаивая национальные основы отечественного искусства, Шукшин не мог не осознать, что именно православие – опора патриархальной русской культуры.

* * *

В своем творчестве, примером чему и является рассказ «Верую!», Шукшин отразил личный, совсем не простой опыт обращения к истинной православной вере. Отсюда в образах героев рассказа много автобиографических аллюзий.

Главный герой рассказа Максим Яриков – ровесник автора. «Максим легко снимался с места (он был сорокалетний легкий мужик, злой и порывистый, никак не мог измотать себя на работе, хоть работал много)» (т. 5, с. 223). Шукшину в 1971 г. – 42 года, но ведь текст произведения мог быть (и скорее всего был) написан и раньше.

Сближает автора рассказа и его героя и общий «недуг»: у обоих «душа болит». «Но у человека есть также – душа! Вот она здесь, – болит! – Максим показывал на грудь. – Я же не выдумываю! Я элементарно чувствую – болит» (т. 5, с. 223). В письме к В. И. Белову (март 1971 г., т. е. одновременно с публикацией рассказа!) Шукшин писал:

Не знаю, за что я расплываюсь, но – постоянный гной в сердце. Я тебя очень серьезно спрашиваю: у тебя только тело болит или душа тоже? Потому спрашиваю, что судьба такая же – и, может, тут какой-то общий, грустный закон? Тело болит – это от водки, я знаю. Но вот я и не пью, а весь измаялся, нигде покоя – ни дома, в деревне, ни тут. Все перебрал и вспомнил пору, когда было 20 лет, – не ныла же она так! Что же теперь-то? Я никому не говорю об этом, никому до этого нет дела, а скажешь, так не поверят. Да, вообще, кому это нужно? Еще поймут, что – ослаб, лягать кинутся (т. 8, с. 277).

Тематически и на уровне образно-мотивной организации «Верую!» перекликается с ранним шукшинским рассказом «Воскресная тоска» (1962) и опубликованным почти одновременно «Дядей Ермолаем» (1971).

Как и автобиографический герой «Воскресной тоски», Максим Яриков в воскресенья особенно страдает.

По воскресеньям наваливалась особенная тоска. Какая-то нутряная, едкая... Максим физически чувствовал ее, гадину: как если бы неопрятная, не совсем здоровая баба, бессовестная, с тяжелым запахом изо рта, общаривала его всего руками – ласкала и тянулась поцеловать (т. 5, с. 223).

И автора-повествователя в «Дяде Ермолае», и главного героя «Верую!» беспокоят одни те же мысли о смысле жизни.

Ну, и что? – сердито думал Максим. – Так же было сто лет назад. Что нового-то? И всегда так будет. Вон парнишка идет, Ваньки Малофеева сын... А я помню самого Ваньку, когда он вот такой же ходил, и сам я такой был. Потом у этих – свои такие же будут. А у тех – свои... И все? А зачем? (т. 5, с. 224).

Почти так же размышляет автор на могиле дяди Ермолая в финале одноименного рассказа:

И дума моя о нем – простая: вечный был труженик, добрый, честный человек. Как, впрочем, все тут, как дед мой, бабка. Простая дума. Только додумать я ее не умею, со всеми своими институтами и книжками. Например: что, был в этом, в их жизни, какой-то большой смысл? В том именно, как они ее прожили. Или – не было никакого смысла, а была одна работа, работа... Работали да детей рожали (т. 5, с. 180).

В рассказе «Верую!» Шукшиным создан мощный интертекстуальный пласт. Уже в начале рассказа налицо интертекстуальная перекличка с рассказом М. Горького «Старуха Изергиль» (1894):

Люда не поймет его. Никогда! Распори он ножом свою грудь, вынь и покажи в ладонях душу, она скажет – требуха (т. 5, с. 224).

Как указывает О. Г. Левашова [2006, с. 209], данная цитата – стилистически сниженный вариант жеста Данко: «И вдруг он разорвал руками себе грудь и вырвал из нее свое сердце и высоко поднял его над головой» [Горький, 1977, с. 57]. Творчество Максима Горького идейно и эстетически было очень близко Шукшину. Как считает О. Г. Левашова, Горький – «один из тех редких людей, кто в своей судьбе воплотил “ломоносовский миф”, поднявшись со дна жизни к высотам человеческого знания» [Левашова, 2007, с. 47]. Обратим внимание и на то, что имя главного героя шукшинского рассказа – Максим, что в контексте горьковского интертекста вряд ли случайно.

Имя «Максим» и наличие сниженного образа легенды о Данко актуализируют в рассказе горьковскую тему «гордого человека», который идет за истиной для всех.

Поп и Максим поют «Клен ты мой опавший» – песню на стихи С. А. Есенина и музыку В. Н. Липатова:

И поп загудел про клен заледенелый, да так грустно и умно как-то загудел, что и правда – защемило в груди. На словах «ах, и сам я нынче чтой-то стал нестойкий» поп ударил кулаком в столешницу и заплакал и затряс гривой.

– Милый, милый!.. Любил крестьянина!.. Жалел! Милый!.. (т. 5, с. 229).

Есенин – один из самых любимых поэтов Шукшина. Свидетельство тому – запись, оставленная им в книге музея С. А. Есенина в Константиновском: «В Дом-музей Сергея Есенина. Помним тебя. Любим. В. Шукшин. 1970 г.» (т. 8, с. 85).

В данном случае важно, что именно попу Шукшин передал свою любовь к творчеству Есенина. И поп, видимо, тоже крестьянин по происхождению, ему также близки и понятны искания Максима Ярикова.

Есть в тексте рассказа и отсылка к творчеству еще одного ценного Шукшиным классика русской литературы, Н. А. Некрасова:

<...> Длинных песен не бывает.
– А у вас в церкви... как заведут...
– У нас не песня, у нас – стон (т. 5, с. 228).

Последняя строка цитаты – парафраз строки из некрасовского стихотворения «Размышления у парадного подъезда» (1858): «Этот стон у нас песней зовется».

Интертекстуальные связи создают дополнительную смысловую составляющую при интерпретации главных образов персонажей рассказа.

В семантическую нагрузку имени главного героя Максима Ярикова следует включить отсылку к уже упомянутому выше *Максиму* Горькому (здесь нужно учитывать и схожесть биографий Шукшина и Горького, и параллелизм их героев), а также этимологию имени «Максим» (лат. *maximus* – «самый большой, величайший»). Пассионарность, нередко, поведения – характерная черта Ярикова (ср.: «Максим <...> ходил по горнице, и глаза его свирепо блестели» (т. 5, с. 223)).

Фамилия героя дублирует семантику имени. «Яриться» – это «быть в состоянии ярости, сильного гнева, приходить в ярость» и «бушевать (о стихиях)» [Словарь русского языка, 1984, с. 783].

Как мы считаем, совсем не случайно Максим обращается к попу: «– Попяра!.. А если я счас, например, тебе дам разок по лбу, то как?» (т. 5, с. 228). Повторение элемента корневой морфемы «яр» (Яриков – попЯра) в лексемах для номинации персонажей получает семантическую нагрузку. Максим и поп – это герои-двойники, причем наделенные Шукшиным автобиографическими чертами: «болезнь души», возраст Максима, любовь к Есенину у попа.

У Даля «ярить» – «разъярить, горячить, кипятить, сердить, дразнить, злить, злобить, озлобить, приводить в ярость», а также «разжигать похоть» [Даль, 1995, с. 679].

В словаре Даля глагол «ярить» находится в одном корневом гнезде с «Ярило, Ярила»: «древний славянский бог плодородия, от которого ярится земля и все живое» [Даль, 1995, с. 680]. В Белоруссии Ярило «молодой, на белом коне, в белой одежде, и босой: в правой, человечья голова, в левой, горсть ржаных колосьев; там празднуют ему, встречая всюду первую сошкой, 27 апреля» [Там же].

В Костромской деревне чучело под названием Ярило клали в гроб или давали носить по деревне старику, которого одевали в лохмотья, а вместо песен было оплакивание. После этого Ярило зарывали в поле. Чучело Ярилы имело ярко выраженные признаки пола, а его оплакивание бабами и причитания нередко содержали эротические намеки и сопровождалось скабрёзными шутками мужиков. Если Ярилу изображал парень, зачастую он был голым.

Праздники в честь Ярилы часто сопровождались плясками, песнями и употреблением вина.

Характерно, что скульптура, символизирующая Ярилу, в парке «Украинская степь» в Донецке явно фаллическая.

При такой трактовке образа Ярилы неслучайно поп заставляет петь Максима: «Верую! <...> В барсучье сало, в бычачий рог, в стоячую оглоб-лю-у! В плоть и мякоть телесную-у!» (т. 5, с. 229) (курсив наш. – Д. М.).

ПопЯра-поп в рассказе «Верую!» может быть интерпретирован как олицетворение в тексте языческого бога Ярилы.

Аллюзии здесь прослеживаются уже на уровне внешности попа:

Поп был крупный шестидесятилетний мужчина, широкий в плечах, с огромными руками. Даже не верилось: что у него – что-то там с легкими. И глаза у попа – ясные, умные. И смотрит он пристально, даже нахально. Такому – не кадилом махать, а от алиментов скрываться. Никакой он не благодостный, не постный – не ему бы, не с таким рылом, горести и печали человеческие – живые, трепетные нити – распутывать. Однако – Максим сразу это почувствовал – с попом очень интересно (т. 5, с. 225).

Ему, как языческому богу, приносят жертвы – барсуков:

Илюха был уже на развезях – клевал носом и бубнил, что в то воскресенье, не в это, а в то воскресенье он принесет сразу двенадцать барсуков.

– Мне столько не надо. Мне надо три хороших – жирных.

– Я принесу двенадцать, а ты уж выбирай сам, каких. Мое дело принести. А ты уж выбирай сам, каких получше. Главное, чтоб ты оздоровел... А я их тебе приволоку двенадцать штук... (т. 5, с. 225).

Порочность попа изначально подчеркивается упоминанием о его болезни. Как сказал протоиерей Сергей Фисун, «поп несет в себе тлен» [Фисун, 2012, с. 134]. Причем болезнь попа тоже символична:

У попа что-то такое было с легкими – болел. Приехал лечиться. А лечился он барсучьим салом, барсуков ему добывал Илья. У попа было много денег, они с Ильей часто пили спирт. Поп пил только спирт ⁴ (т. 5, с. 225).

Поп так и не уточняет, что за болезнь его поразила. На вопрос Максима «что с легкими?» он отвечает односложно и уклончиво: «Болят» (т. 5, с. 226). Эта уклончивость позволяет нам выстроить ассоциативную цепочку: «что-то такое было с легкими» – дыхание – дух – душа. У попа тоже болит душа, что и подтверждается следующей цитатой:

Вот это как раз я и чувствую, и ты со своей больной душой пришел точно по адресу: у меня тоже болит душа. Только ты пришел за готовеньким ответом, а я сам пытаюсь дочерпаться до дна, но это – океан (т. 5, с. 227).

Поп явно выказывает черты, противоречащие каноническому образу православного священника и, более того, inferнальные.

«Сын мой занюханный», – обращается он к Максиму, а не «сын мой возлюбленный», как это звучит традиционно по-христиански. Налицо инверсия традиционных христианских формул, характерная для сатанистов.

⁴ Упоминание о спирте – еще один автобиографический момент. По воспоминаниям кинооператора, друга Шукшина Александра Саранцева, Василию, когда он учился во ВГИКе, выдавали спирт по предписанию врача для лечения язвы желудка: «велят принимать по чайной ложке три раза в день» [Гришаев, 1994, с. 128].

Шукшинский поп цитирует Дарвина, чья теория естественного отбора не признается христианской церковью: «– Видишь! – показал он свою ручищу. – Надежная: произойдет естественный отбор» (т. 5, с. 226).

Тезисы, которые излагает поп в своеобразном теологическом диспуте с Максимом, также противоречат всем канонам православия и вообще христианской церкви:

Теперь я скажу, что бог – есть. Имя ему – Жизнь. В этого бога я верую. Это – суровый, могучий бог. Он предлагает добро и зло вместе – это, собственно, и есть рай. <...> Верь в жизнь!

<...>

Поэтому, в соответствии с этим моим богом, я говорю: душа болит? Хорошо. Хорошо! Ты хоть зашевелился, ядрена мать! А то бы тебя с печки не стащить с равновесием-то душевным. Живи, сын мой, плачь и приплясывай (т. 5, с. 227).

Однако схожие идеи встречаются в шукшинских текстах – как художественных, так и документальных.

Киносценарий «Живет такой парень» заканчивается словами Пашки Колокольникова: «– Значит, будем жить, – сказал он, отвечая своим мыслям» (т. 1, с. 310). В письме к сестре, Н. М. Зиновьевой (Москва, декабрь 1961 г.), есть такая фраза:

Живые должны жить. Ведь это правда: мертвых на земле больше, чем живых. И если нам подчиниться закону мертвых, то надо складывать руки и спокойно уходить из жизни. Но живые диктуют нам свой закон – живи! (т. 8, с. 247).

Танец попа и Максима в финале рассказа напоминает языческий танец, где попу уже открыто придаются звериные черты. Он похож на языческого шамана, одевающегося в шкуру зверя:

Оба, поп и Максим, плясали с такой с какой-то злостью, с таким остервенением, что не казалось и странным, что они – пляшут. Тут – или плясать, или уж рвать на груди рубаху и плакать, и скрипеть зубами;

Рубаха на попе – на спине – взмокла, под рубахой могуче шевелились бугры мышц: он, видно, не знал раньше усталости вовсе, и болезнь не успела еще перекусить тугие его жилы. Их, наверно, не так легко перекусить: раньше он всех барсуков слопаёт. А надо будет, если ему посоветуют, попросит принести волка пожирнее – он так просто не уйдет;

Потом поп, как большой тяжелый зверь, опять прыгнул на середину круга, прогнул половицы... На столе задребезжали тарелки и стаканы (т. 5, с. 229).

Подобная сцена почти языческой пляски уже встречалась в раннем творчестве Шукшина – в литературном сценарии дипломного фильма Шукшина «Посевная компания» (1960):

...А на кругу какой-то верзила, взявшись за бока, выделяет такого черта, так бацает по земле, что она, матушка, гукает. Рыжий хлопец выворачивает малиновую душу у трехрядки. Зрители дружно прихлопывают. Верзила, кокетничая, «подбил» в плясе под молоденькую женщину – артистку <...> Ее словно ветром подхватило – закружилась по кругу... Знаме-

нитый Грай не выдержал и отколол коленце прямо на столе. Слезть со стола ему не дали (т. 1, с. 271) ⁵.

Народное празднество, по разгулу напоминающее языческое, устроено прямо на пашне, по случаю рождения тройни у бригадира Грая. «Урожай» Грая как будто предсказывает будущий богатый урожай пшеницы.

Еще одна возможная аллюзия, связанная с образом попа, – Григорий Распутин, «старец», обвиняемый в принадлежности к секте хлыстов. Хлыстам общественным мнением начала XX в. приписывались оргии, которыми обычно заканчивались хлыстовские «радения». Распутин, по всей видимости, неслучайно упоминается в шукшинском рассказе «Срезал»:

Выяснилось, что полковник не знает, кто велел поджечь Москву. То есть он знал, что какой-то граф, но фамилию перепутал, сказал – Распутин (т. 5, с. 72).

Образ Распутина – один из устойчивых символов творчества Шукшина. Как отмечает А. И. Куляпин, современники «странные речи Распутина либо считали сознательным плутовством, либо наделяли высшим тайным смыслом, либо воспринимали как абсолютную бессмыслицу» [Куляпин, 2006, с. 123]. Все сказанное может быть прямо отнесено к шукшинскому попу.

Атавистические элементы язычества закрепились в патриархальной крестьянской культуре, некоторых архетипах крестьянского менталитета, о чем Шукшин писал не раз, и от чего избавиться было не просто даже ему самому. «Может, так: жил в Лёсе вековой крестьянин, который из горьких своих веков вынес несокрушимую жадность. Жадность, которая уж и не жадность, а способ, средство выжить, когда не выжить – очень просто. Лёся захотел освободиться от этого мертвого груза души и не мог. Видно, не так это просто – освободиться», – отмечал он в рассказе «Лёся» (1971) (т. 5, с. 209). А в незаконченной статье «Только это не будет экономическая статья» (1967) писатель уже говорит о себе:

...Стали разносить обед. Тоже одна особенность: иногда совсем не хочется есть, а все-таки не откажешься, ешь. Впрочем, это я о себе говорю, может, другие не так. Наверное, у меня крестьянское осталось: «Пусть лучше пузо треснет, чем добру пропадать» (т. 9, с. 33).

Но означает ли наш анализ, что «рассказ Шукшина “Верую!”» знаменует отпадение от божеского, отказ от основных символов веры и победу дьявольского начала» [Левашова, 2007, с. 50]? Пожалуй, такое мнение известного шукшиноведа стоит назвать излишне радикальным.

Позиция автора рассказа, на наш взгляд, несколько сложнее. Максим Яриков и поп олицетворяют две «ярких» силы, которые, по мнению Шукшина, живут в крестьянине, и которые он наблюдал в себе сам. В Максиме живет пассионарная крестьянская, ломоносовская тяга к знанию, к действию, в попе – языческая, архетипическая, патриархальная сила, свойственная каждому крестьянину. Вместе они дают мощную, «яркую» энергию, которую, увы, направить в продуктивное, правильное русло не получается.

⁵ Сцена в дипломный фильм в итоге не вошла. У нее есть свой прообраз из х/ф «Земля» (1930) режиссера А. Довженко. Хрестоматийная сцена, когда ночью после первой вспашки в колхозе по дороге домой тракторист Василь танцует гопака.

Максим Яриков – это шукшинский герой-пассионарий из числа тех, кто строит вечный двигатель, хочет восстановить старинную красивую церковь, докопаться до сути гоголевского образа Руси или с помощью микроскопа открыть тайну не только микромира, но и науки, и даже политики («А ведь знают, паразиты, лучше меня знают, – и молчат. <...> Не хотят расстраивать народ. <...> Волнение, мол, начнется» (т. 6, с. 50))....

Но есть еще один тип героев у Шукшина. Это герой-демотиватор. Одни герои-демотиваторы гасят крестьянскую пассионарную силу познания и действия, как, например, инженер Голубев и учитель физики Гекман, которые объясняют Моне Квасову несостоятельность его попытки построить вечный двигатель в рассказе «Упорный» (1973); учитель Николай Степанович⁶ из рассказа «Забуксовал» (1973), который в ответ на размышления Романа Звягина о гоголевской «птицетройке», везущей шулера, отвечает: «Как-то... неожиданно вы все это поняли. Станный какой-то настрой...» (т. 6, с. 90) – и дает «политкорректное» истолкование образа; сотрудник облисполкома Игорь Александрович, который с помощью документов ломает иллюзии Семки Рыся по восстановлению талицкой церкви («Мастер» (1971)) и т. д. Другие герои-демотиваторы направляют ее в деструктивное русло. Это, например, председатель колхоза, по телефону руководящий бригадиром Шурыгиным, разрушившим сельскую церковь («Крепкий мужик» (1970)), воровской авторитет Губошлеп, вовлекший Егора Прокудина в преступную шайку в киноповести «Калина красная» (1973)... Персонаж попа в рассказе «Верую!» тоже может быть отнесен к этой категории героев-демотиваторов, так как искреннюю попытку духовного поиска Максима Ярикова он сводит к банальной пьянке и почти языческой оргии.

Как правило, у Шукшина крестьянину «некуда пойти», не к кому обратиться со своими заветными мыслями, кроме как к персонажу-демотиватору. Но это всякий раз ложный путь для героя-пассионария. Максим вместо церкви идет на застолье к сомнительному попу (хотя церкви в селе и нет, скорее всего), Мона Квасов вместо школы, училища идет к инженеру, который ему же и говорит: «Учиться тебе надо!» и т. д.

Впрочем, есть и еще один путь выражения этой нереализованной пассионарности русского крестьянина: восстание (как в романе «Я пришел дать вам волю») или суицид как протестная поведенческая реакция героя на агрессию или неотвратимые негативные действия со стороны социального окружения или «властей предержащих» («Сураз» (1970), «Жена мужа в Париж провожала» (1971), «Мой

⁶ Наиболее частым героем-демотиватором у Шукшина оказывается именно сельский учитель. Аналогичная ситуация встречается у Ф. Искандера в романе «Сandro из Чегема». «Учитель неполной средней школы» пытается объяснить чудо, связанное с тем, что пятимесячная Тали, дочь Сандро, не только узнавала Луну на небе, но и произносила ее название. Учитель предлагает свое, «научное», объяснение вполне в духе материализма, которое, однако, не встречает признания у чегемцев: «Кстати, местный учитель, с улыбкой (которая сразу же не понравилась чегемцам) выслушав сообщение об этом чуде с улыбкой же опроверг его. Он сказал, что наука совсем по-другому смотрит на этот вопрос. Он сказал, что скорее всего кто-то, держа в руке большое красное яблоко, сравнил его с луной, а ребенок это услышал, и ему это так запало в голову. И вот он, однажды увидев на дереве плоды, похожие на яблоки, ошибочно назвал их знакомым звуком, а диск луны, если он даже и виделся сквозь ветви яблони, не имеет к этому никакого отношения. Так объяснил чудо учитель неполной средней школы, открытой в Чегеме в начале двадцатых годов» [Искандер, 2023, с. 319].

зять украл машину дров!» (1971), «Алеша Бесконвойный» (1973) и др.). У Максима Ярикова это протестное поведение проявляется в юродстве в отделении милиции и просьбе «вести его под конвоем в Магадан», причем «непрерывно босиком» (т. 5, с. 224).

Духовные (и поведенческие) противоречия Василия Шукшина на пути к истинной православной вере – это следствие все той же пассионарности русского крестьянства, не находящей продуктивной реализации в условиях советской действительности.

Список литературы

- Белов В. И., Заболоцкий А. Д. Тяжесть креста. Шукшин в кадре и за кадром. М.: Сов. писатель, 2002. 176 с.
- Горький М. Рассказы. Пьесы. Мать. М.: Худож. лит., 1977. 671 с.
- Гришаев В. Ф. Шукшин. Сростки. Пикет. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1994. 152 с.
- Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: ТЕРРА, 1995. Т. 4. 688 с.
- Искандер Ф. Сандро из Чегема. СПб.: Азбука, 2023. 1184 с.
- Куляпин А. И. Распутин // Творчество В. М. Шукшина: Энциклопедический словарь-справочник. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2006. Т. 2. С. 123–124.
- Левашиова О. Г. [Максим Горький] // Творчество В. М. Шукшина: Энциклопедический словарь-справочник / Науч. ред. А. А. Чувакин. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2006. Т. 2. С. 209–210.
- Левашиова О. Г. Верую! // Творчество В. М. Шукшина: Энциклопедический словарь-справочник / Науч. ред. А. А. Чувакин. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2007. Т. 3. С. 47–51.
- Марьин Д. В. Православные мотивы в эпистолярном творчестве В. М. Шукшина // Филология и человек. 2012. № 3. С. 46–54.
- Словарь русского языка: В 4 т. М.: Русский язык, 1984. Т. 4. 794 с.
- Фисун С. О духовных исканиях В. М. Шукшина // В. М. Шукшин и православие. М.: ИД «К единству!», 2012. С. 128–147.
- Шукшин В. М. Собр. соч.: В 9 т. / Под общ. ред. Д. В. Марьина. Барнаул: ИД «Барнаул», 2014.

References

- Belov V. I., Zabolotskiy A. D. *Tyazhest' kresta. Shukshin v kadre i za kadrom* [The burthen of the cross. Shukshin on and behind the scenes]. Moscow, Sov. pisatel', 2002, 176 p.
- Dal' V. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: V 4 t.* [The explanatory dictionary of the living Great Russian language: In 4 vols.]. Moscow, TERRA, 1995, vol. 4, 688 p.
- Fisun S. O dukhovnykh iskaniyakh V. M. Shukshina [About Shukshin's spiritual quest]. In: *V. M. Shukshin i pravoslaviye* [Shukshin and the Orthodoxy]. Moscow, ID "K edinstvu!", 2012, pp. 128–147.
- Gor'kiy M. *Rasskazy. P'esy. Mat'* [The short stories. The plays. Mother]. Moscow, Khudozh. lit., 1977, 671 p.
- Grishaev V. F. *Shukshin. Srostki. Piket* [Shukshin. Srostki. Piket]. Barnaul, Alt. kn. izd., 1994, 152 p.

Iskander F. *Sandro iz Chegema*. [Sandro from Chegem]. St. Petersburg, Azbuka, 2023, 1184 p.

Kulyapin A. I. Rasputin. In: *Tvorchestvo V. M. Shukshina: Entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik* [Creativity of V. M. Shukshin: Encyclopedic dictionary-reference]. Barnaul, AltSU, 2006, vol. 2, pp. 123–124.

Levashova O. G. Maksim Gor'kiy. In: *Tvorchestvo V. M. Shukshina: Entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik* [Creativity of V. M. Shukshin: Encyclopedic dictionary-reference]. Barnaul, AltSU, 2006, vol. 2, pp. 209–210.

Levashova O. G. Veruyu! [I Believe!]. In: *Tvorchestvo V. M. Shukshina: Entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik* [Creativity of V. M. Shukshin: Encyclopedic dictionary-reference]. A. A. Chuvakin (Ed.). Barnaul, AltSU, 2007, vol. 3, pp. 47–50.

Maryin D. V. Pravoslavnye motivy v epistol'arnom tvorchestve V. M. Shukshina [Orthodox motifs in the epistolary works of V. M. Shukshin]. *Philology and Man*. 2012, no. 3, pp. 46–54.

Shukshin V. M. *Sobraniye sochineniy: V 9 t.* [Collected works: In 9 vols.]. D. V. Mar'in (Ed.). Barnaul, "Barnaul" Publ. House, 2014.

Slovar russkogo yazyka: V 4 t. [The dictionary of the Russian language: In 4 vols.]. Moscow, Russkiy yazyk, 1984, vol. 4, 794 p.

Информация об авторе

Дмитрий Владимирович Марьин, доктор филологических наук, доцент, помощник ректора по связям с общественностью Алтайского государственного аграрного университета (Барнаул, Россия)

Scopus Author ID 57208688092

WoS Researcher ID IZP-7767-2023

Information about the author

Dmitry V. Maryin, Doctor of Philology, Assistant Professor, Assistant to the Rector for Public Relations, Altai State Agrarian University (Barnaul, Russian Federation)

Scopus Author ID 57208688092

WoS Researcher ID IZP-7767-2023

Статья поступила в редакцию 22.04.2024;

одобрена после рецензирования 16.09.2024; принята к публикации 16.09.2024

The article was submitted on 22.04.2024;

approved after reviewing on 16.09.2024; accepted for publication on 16.09.2024